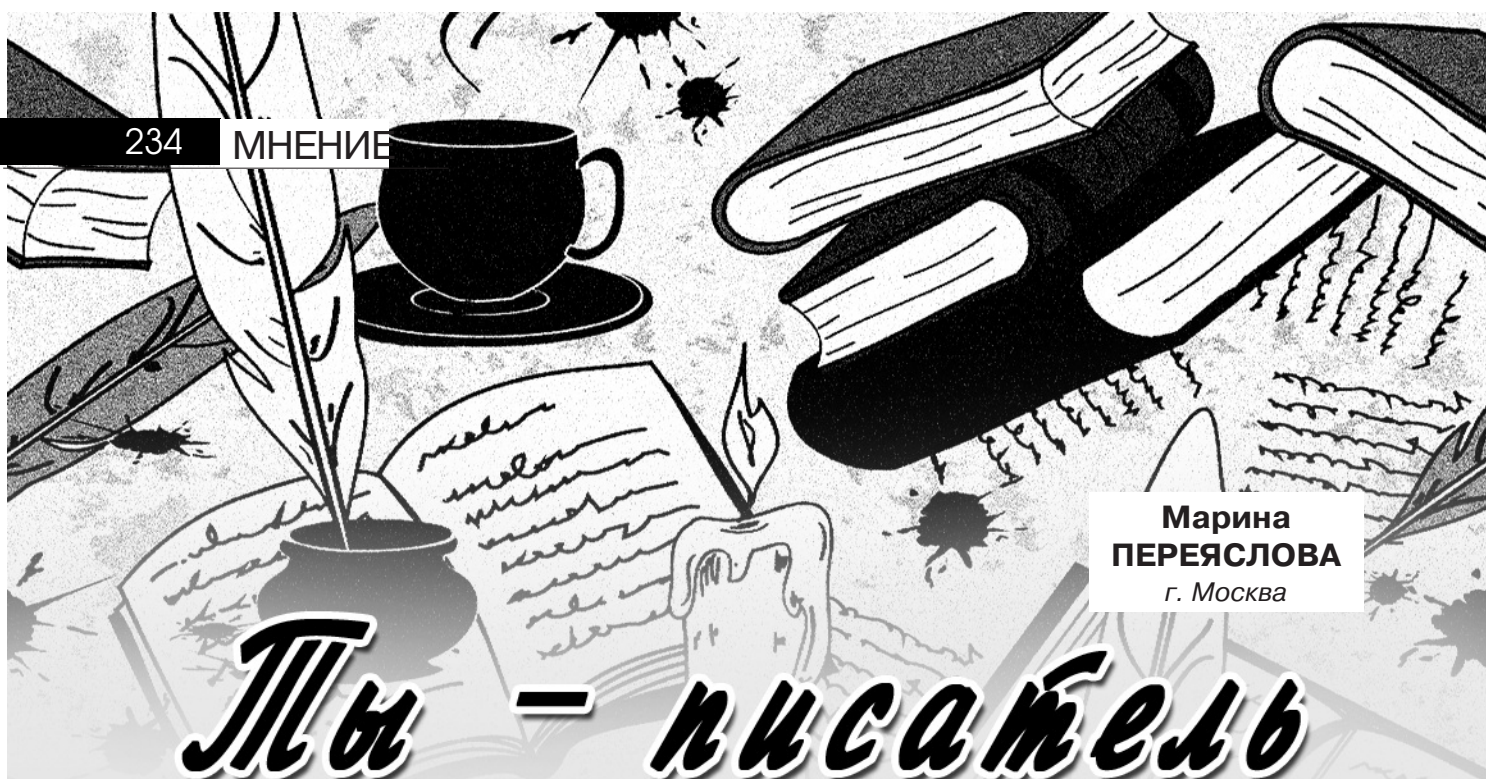

**Марина
ПЕРЕЯСЛОВА**
г. Москва

Пы – писатель

Когда меня спрашивали, кто я по профессии, мне почему-то было неловко произнести слово «писатель». Журналист, литературный работник, редактор – пожалуйста. Но вот назвать себя писателем не позволяло какое-то внутреннее сомнение: а имею ли я право называть себя столь важным для меня словом? Хотя сейчас каждый второй литератор, издавший за свой счёт единственную тоненькую книжцу, спешит зачислить себя в ряды классиков литературы.

Во-первых, кто является классиком, а кто рядовым графоманом – знает только история. Победитель конкурса поэтов Игорь Северянин, считавшийся при жизни классиком, канул в небытие, оставив потомкам лишь незабываемые строки «Это было у моря, где ажурная пена...», а его современник Александр Блок, на вечер которого незадолго до его преждевременной кончины пришёл лишь один слушатель, остался в русской культуре, думается, на века. А посему не стоит пишущему книги задаваться вопросом: будет ли это кому-то нужно? А также робеть перед мастерами слова, живущими и ушедшими: разве я могу написать что-то лучшее, чем сотворили они? По-моему, нужно просто писать и делать это только потому, что ты не можешь этого не делать. Душа требует выхода на сцену бумажного листа.

И вообще, писать надо, когда литература не отпускает тебя из своих объятий ни днём ни ночью. Вот тогда ты действительно – писатель, а не читатель. Хотя в том, чтобы быть просто читателем, – тоже ничего зазорного нет. Не случайно же поэт Анд-

рей Дементьев написал в одном из стихотворений: «Пусть другой гениально играет на флейте, но ещё гениальнее слушали вы». Умение слушать другого – это тоже один из талантов.

* * *

Виктор Розов в своей последней книге воспоминаний «Удивление перед жизнью» писал о том, что приводил в ступор своих молодых студентов заявлением «Если можете не писать – не пишите». Авторство этих слов приписывается Льву Толстому и Райнеру Марии Рильке. Не буду ничего утверждать, так как при сем не присутствовала.

Знала я одну хорошую, искренне влюблённую в литературу девочку, которая даже окончила Московский Литературный институт имени Горького и мыслила себя не иначе как писателем. Но произведения из-под её пера появлялись так редко, что это напоминало, по чьему-то меткому выражению, выдавливание засохшей зубной пасты из тюбика. Это хорошо, что, в конечном счёте, она получила профессию литературного работника. Но истинный писатель всё-таки должен фонтанировать в своём творчестве, низвергаться на читателей своими сюжетами, образами и рифмами, как kloчующие летние ливни. Думая о её судьбе, я понимаю, что писатель, как и художник, должен всегда ходить с блокнотом и карандашом в руке, чтобы в любую минуту успеть записать важную из вечно роящихся в его голове мыслей.

Пишущему человеку вообще непростительно те-

рять интересные мысли и образы. Писательница Екатерина Маркова так вспоминала об этом: «Мы как-то с Анатолием Алексиним беседовали, и я ему рассказывала про свою очередную задумочку, и вдруг он понимает, что во мне что-то родилось интересное, и начинает оглядываться по сторонам в поисках того, где это можно записать. Видит только пачку сигарет на столе и протягивает её мне со словами: «Быстро записывай. Никогда не нужно доверять памяти. Всё равно уйдёт. Пиши на чём угодно. Хоть на манжетах своей рубашки, как Кальман, но записывай». Об этом же говорил и Виктор Розов в «Удивлении перед жизнью». Идея его заключалась в том, что рассказ нельзя откладывать на потом, потому что если сначала пообещать, потом погулять в парке и лишь затем сесть за письменный стол, то ничего из себя в плане письма уже не удастся выжать. Мысль должна быть записана сразу, как только она пришла в голову.

Об этом Екатерина Маркова рассказывала мне однажды: «Моя первая повесть «Чужой звонок» была напечатана в журнале «Юность», когда мне было 29 лет. Что было самое удивительное – ко мне потом подходили очень многие писатели, критики, просто друзья и говорили: «Как, наверное, долго ты вынашивала эту повесть, как, наверное, долго ты над ней работала...» Я при этом краснела – ведь я написала её за две недели. Но, возможно, она созревала во мне долгие годы. Вообще, у меня как бы безотходное производство: я пишу без черновиков, сразу, абсолютно набело. Я сажусь за компьютер и, не отрываясь, могу написать четыре страницы текста, но никаких записей при этом у меня нет. Конечно, в этом нет ничего хорошего, я, видимо, жутко перегружена: это значит, что в подкорке всё это крутится, вызревает, я обдумываю – и выходит уже результат. Работа не на листе идёт, а в подсознании».

Кстати, обмолвлюсь, что в её лице я встретила именно «своего писателя». Не часто так бывает, что читаешь чьё-то произведение, а тебе кажется, что это всё написано про тебя, более того, что ты абсолютно солидарен с автором в его оценках и высказываниях. И тем более удивительно, что этот писатель – профессиональная актриса.

Она же говорила мне о том, что «любой дар, в том числе и литературный, владение словом – конечно же, от Бога. Когда я сажусь за письменный стол, то читаю молитву «Перед началом любого дела»: *«Без тебя, Господи, ничего не возможно творить...»*, а когда заканчиваю своё очередное произведение и ставлю точку, читаю молитву благодарственную: *«Благодарю тебя, Господи»*, потому что я очень хорошо понимаю, что без Бога невозможно написать ни строчки».

Хотя наставничества в литературе никто не отрицал. Екатерина Маркова особенно ценила своего первого учителя в литературе писателя Анатолия Алексина. Она вспоминала о нём: «Это огромное счастье, когда есть такой учитель, который имеет мужество сказать тебе правду. Анатолий Алексин – мой учитель, которому я показала свою вторую повесть «Тайная вечеря», и он сказал так: «Давай пройдемся по повести «для школы». Мы сели, и я была потрясена тем, как мастер умеет преподавать урок своему ученику. Он просто брал страницу и по словам разбирал её. «Больше всего бойся расхожих слов, – говорил он мне. – Как геолог ищет полезные ископаемые, то же золото, ищи своё слово».

Я помню, как в повести «Чужой звонок», готовившейся к публикации в «Юности», мне вымарали одну фразу: «Мои умные ноги привели меня к моему первому всему». Мне сказали в редакции: «Умные ноги» – это плохо». Алексин сказал: «Борись за эту фразу. Это хорошо. Это тобой рождено, и ты должна защищать своё творчество». Он сам отвоёвывал каждое своё слово, и меня призывал к этому».

По собственному опыту знаю, что писателю с возрастом легче, чем, например, артисту сохраняться в профессии. Ведь в его жизни ничего не меняется. Разве что печатная машинка сменяется компьютером. А вот артисты порой вынуждены прибегать к пластике, «обновляя» себе лицо, а танцовщикам балета и цирковым приходится уходить на пенсию, ведь лицо и тело – это их рабочий инструмент. Но и у писателя, скажете вы, мозг с годами тоже работает всё хуже, мысли тоже теряют свою скорость. Согласна. Замечала, как у многих стареющих физически писателей изменяется слог. Замедляется темп письма, уходит яркая образность, лихость. И всё-таки, даже если писателя уже и ноги не носят, мозг его может долго оставаться ясным, ведь он тренировался в течение всей его творческой жизни и не должен сразу атрофироваться. Настоящий писатель находится на работе все 24 часа в сутки. Ведь важные сюжеты и образы могут прийти в голову и в 2 часа ночи, и в 7 утра, и в течение всего дня. Мысль может потянуть тебя к листу бумаги в самый неподходящий момент, для неё не существует перемен и каникул...

* * *

Замечательный русский прозаик Владимир Крупин в своей повести «Громкая читка» не единожды затронул тему писательского труда. И в особенности – тему так называемых «мук творчества» и терзающих его героя сомнений в собственном таланте. Я прочитала это произведение не отрываясь, с начала и до самого конца.

236 *Марина Перясллова*

Так интересно было погрузиться в творческую мастерскую пишущего человека.

«Уже с самого детства я не писать не мог. Вся жизнь меня постоянно тянуло сесть за стол. Комплексовать без передышки тоже глупо. Дана тебе способность в строки складывать, складывать».

«...Записанная, вроде продуманная мысль не хочет жить на бумаге. Сохнет, как сорванный листок».

«И опять пошёл мучиться над безжалостным пространством белых листков. Как сказала бы моя мама, как на пень наехал – работа не шла».

«Поневоле бросишь авторучку. А уже видишь рассказ напечатанным, читающимся кем-то, видишь и этого кем-то, как он зевает, отодвигает книгу, как включает телевизор... И что в этого кем-то из твоего текста перейдёт? Зачем ему твоё самовыражение? Он утешения чаёт».

«...Тут уже я сам вспомнил, не анекдот, а историческую быль: Павел I пригласил Державина на приём в дворцовую библиотеку и, указывая на бесчисленные шкафы с книгами, сказал: «Вот ведь, Гавриил Романович, сколько уже написано, а всё пишут и пишут...» И я решил посетить библиотеку Дома творчества... Огромный отдел книг с автографами бывавших здесь писателей и поэтов. Подумал: может, когда и моя книга тут будет? И тут же, охлаждая сию мечту, высветился вопрос: «И что это изменит? Эти сотни томов, толстых и тонких, что изменили? Тоже, небось, дерзали вразумить человечество».

Но как бы ни сомневались требовательные к себе истинные писатели, а всё-таки судить об их успехах и неудачах будут читатели. И если что-то не поймут современники, могут оценить идущие вслед за ними

поколения. Анна Ахматова говорила об этом так: «А он неизбежен и вечен, поэт неведомый друг». С ней солидарен Александр Блок, написавший:

*Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет твёрд и ясен,
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Но увидеть окружающую красоту – этого ещё мало. Надо уметь рассказать о ней тысячам тех, кто её не видит. И вот если сумеешь это сделать, тогда ты действительно – писатель.

Марина Вячеславовна ПЕРЕЯСЛОВА –

литературный критик, прозаик, публицист.

Окончила Самарский педагогический университет.

*Работала учителем, переводчиком, редактором,
пресс-секретарем Международного сообщества писательских союзов.*

*Член Союза писателей России,
Союза журналистов Москвы и Международной федерации журналистов.*

Живёт в Москве.

*Автор книги стихов «Треугольник» (Самара, 1991),
сборника интервью «О самом главном» (Москва, 2006),*

книги прозы и критики «Дамское рукоделие» (Москва, 2014).

Совместная книга Николая и Марины Перяслловых «Спасёмся любовью» (2011).

Награждена литературной премией им. С.В. Михалкова «Облака».

Лауреат литературной премии «Золотой Витязь».

Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

